

О ПОЭТИКЕ И ПРОБЛЕМАТИКЕ СТИХОТВОРЕНИЯ А. А. ФЕТА «ГРАФИНЕ С. А. ТОЛСТОЙ» (1889): ЖАНР, ФЛОРОКОД, КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

Г. А. Шпилева, У. Ю. Борисова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 10 июля 2025 г.

Аннотация: в данной работе анализируется стихотворное послание А. А. Фета вдове А. К. Толстого, С. А. Толстой (Бахметевой), в котором поэт использует флорокод роза / резеда, обозначающий два периода жизни адресата. Так как «визитной карточкой» А. К. Толстого является стихотворение «Колокольчики мои...», во многом определившее его литературную репутацию, то мы предположили, что два стихотворения (фетовское и толстовское), перекликаясь, создают своеобразный диалог. «Текст колокольчиков» достаточно обширный, он дополняет такие образы, как поддужный колокольчик и церковный колокол, фигурирующие в стихотворениях поэтов XIX–XX вв. Фетовское «послание», содержащее элементы «алфавита Флоры», является свидетельством глубокой человечности, подлинной эмпатии, отражающих культурные традиции общества того времени.

Ключевые слова: А. К. Толстой, А. А. Фет, флорокод, анжамбеман, «текст колокольчиков», эмпатия, стихотворное послание.

Abstract: in this article analyzes the poetic message of A. A. Fet to A. K. Tolstoy's widow, S. A. Tolstaya (Bakhmeteva), in which the poet uses the flora code rose / mignonette, denoting two periods of life. Since A. K. Tolstoy's "calling card" is the poem "My little bells ...", which largely determined his literary reputation, we assumed that the two poems (Fet's and Tolstoy's), echoing each other, create a kind of dialogue. The "text of the bells" is quite extensive, as it complements such images as the bow bell and the church bell, which appear in the poems of poets of the 19th and 20th centuries. Fet's "message", containing elements of the "alphabet of Flora", is evidence of deep humanity, genuine empathy, reflecting the cultural traditions of the society of that time.

Keywords: A. K. Tolstoy, A. A. Fet, florocode, anjambeman, the image of bells, empathy, poem message.

Целью настоящей работы является выявление точек соприкосновения двух произведений (фетовского послания «Графине С. А. Толстой» и знаменитого толстовского «Колокольчики мои...»), что дает возможность уточнить некоторые аспекты мировоззренческих позиций двух поэтов-современников. Мы попытаемся выполнить задуманное путем выявления некоторых биографических данностей (приятельские отношения А. А. Фета с А. К. Толстым и Софьей Андреевной, которой и посвящено анализируемое послание), посредством сопоставления цветочных кодов стихотворений (роза — резеда — колокольчики). Так как «текст колокольчиков» в отечественной поэзии обширен, то в поле нашего исследования попадают произведения других поэтов XIX–XX веков, демонстрирующие большое разнообразие и объем значений указанного образа: колокольчик-цветок / поддужный колокольчик / церковный колокол.

Много ценной информации о духовном и интеллектуальном родстве А. А. Фета и семьи А. К. Толстого содержится в воспоминаниях первого, считавшего, что его приятель — один из самых образованных,

благородных и духовно здоровых современников. Тему отношений А. А. Фета и А. К. Толстого достаточно часто затрагивали историки русской литературы, отмечалось, что поэты были хорошо знакомы, состояли в переписке, обменивались визитами, ценили талант друг друга (что не мешало «созданию» пародий Козьмой Прутковым, например, «С персидского, из Ибн-Фета»: «Осень. Скучно. Ветер воет...»), но принадлежали к различным литературным направлениям: А. К. Толстого интересовали социально-исторические темы (преимущественно в драмах и прозе), А. А. Фет принципиально их избегал и, как известно, объектом изображения выбирал личные переживания, искусство. Однако в последние годы мнение несколько изменилось, замечено, что, при всем различии идиостилей, писателей объединяет тема «запредельности» Божьего творения [4, 92], это заключение следует из наблюдений над образами «времени и вечности» в лирике А. К. Толстого и А. А. Фета. Отмечается также, что оба автора даже продемонстрировали единство приемов поэтического речи, например, в «безглагольных стихотворениях» [там же] при создании «обобщенного образа России» («Чудная картина...» и «Край ты мой, родимый край»), представляя эстетическое видение

отчизнолюбия. Приведенные факты позволяют согласиться с тем, что «А. К. Толстой не без основания считается представителем “фетовской школы”», он действительно был «нетипичный», но все же последовательный «сторонник “чистого искусства”» [там же, 91].

Важные идеи можно почерпнуть из работ филологов, создавших аналитические работы о лирике А. А. Фета, которую невозможно понять, «если не видеть, что элементы условной красоты спаяны в ней с живым, конкретным и сильным отражением реальности» [2, 140]. Из монографий последних лет необходимо отметить исследование М. С. Макеева, посвященное творческой биографии А. А. Фета (где затрагивается и тема его отношений с русскими поэтами — Н. А. Некрасовым, А. К. Толстым, К. К. Романовым (К.Р.) и пр.), включающее тонкий, убедительный анализ особенностей типологии образов отечественной поэзии второй половины XIX века в целом. Важнейшей чертой поэтики А. А. Фета автор называет изображение «проявления красоты жизни» [7, 108] в самых обыденных, не всегда «беспечальных» явлениях; в качестве примера приводится образ *хандры* в стихотворении «Не ворчи, мой кот-мурлыка...». Данное замечание проливает свет и на анализируемое нами послание вдове друга, где присутствует пафос умиротворения, смирения, утверждения приоритета простых, скромных реалий жизни.

В 1889 году А. А. Фет посвятил вдове А. К. Толстой, С. А. Толстой (Бахметевой), следующее стихотворение:

Где средь иного поколения
Нам мир так пуст,
Ловлю усмешку утомленья
Я ваших уст.

Мне всё сдается: миновали
Восторги роз,
Цветы последние увяли:
Побил мороз.

И безуханна, бесприветна
Тропа и там,
Где что-то бледное заметно
По бороздам.

Но знаю, в воздухе нагретом,
Вот здесь со мной,
Цветы задышат прежним летом
И резедой [12, 167].

Четырнадцать лет нет А. К. Толстого, и стихотворение начинается с вывода о том, что с уходом из жизни близкого человека «нам мир так пуст». Бытие вдовы писателя, блестяще образованной дамы, хозяйки литературного салона, талантливой пианистки, певицы, самодостаточной личности, конечно, не укладывается полностью в пушкинское

признание «всё в жертву памяти твоей...», однако в фетовском послании присутствует некое значимое дополнение к нему, так как представлена сходная ситуация, ее не менее драматический вариант. Дополнение это напоминает об очень личном для А. А. Фета переживании (гибель когда-то любимой им женщины, с которой расстался за год до ее трагического ухода), а также раскрывает суть жизненного настроения адресата, С. А. Толстой. Уточняется к тому же отношение самого адресанта к истории любви и жизни четы Толстых: сочувствие им, добрая память о встречах, понимание всех тонкостей их непростого бытия.

В данном стихотворении мы наблюдаем то, что Б. В. Томашевский определил как «сознательное неразличение субъекта и объекта», то есть «поэт о внешних явлениях говорит так, как о своих душевных переживаниях, перемешивая свои внутренние впечатления и внешние образы» [10, 233]. Указанную ситуацию в субъектной сфере лирического произведения поддерживают законы выбранного жанра — *послания*: обращение к единомышленнику, духовно близкому человеку. «Внешний образ» здесь — настроение того, кому посвящено стихотворение, отметим, что это область «другого» (но не чужого) жизненного пространства, с которым «биографический» автор связан общей эмоцией, а именно: ощущением невозможной утраты. Изображенный жест — «Ловлю усмешку утомленья / Я ваших уст» — указывает на диалог без слов, взаимное понимание.

На внутреннее напряжение, на более глубокие эмоции (нежели обозначенные) намекают *анжамбеманы* («переносы», показывающие, что «метрическое членение не совпадает с синтаксическим» [3, 151]): «Ловлю усмешку утомленья / Я ...; миновали / Восторги...; безуханна, бесприветна / Тропа...». Анжамбеманы всегда значимы, они маркируют эмоциональный скачок (или остановку перед ним, связанную с волнением), а в данной ситуации еще и демонстрируют особую фетовскую суггестию, его умение «навеять», указать, не называя. Этому способствуют личные местоимения «нам», «ваших» (отнесение к персонажам, которые вполне могут существовать в реальном мире), «со мной», уравнивающие переживания говорящего и слушающего, который как бы присутствует, является «синхронным адресатом». Очевидно, что природа приведенных местоимений далека от *обобщенно личных*, и это явно соотносит мир лирического произведения с миром диегетическим — более показанным, нежели рассказанным (миметическим). «Со мной» побуждает сопоставить лирическое «я» стихотворения с автором «биографическим» в силу его дружбы с тем, кто указан в заглавии послания; к тому же образ жизни А. А. Фета (помещика, добросовестного хозяйственника, который не понаслышке знал, что такое *борозда* (здесь это и поэтический образ)), философские

взгляды этого поэта-мыслителя также «читаются» в подтекстовых пластах произведения.

Обязательным адресатом в лирике, как известно, является и сам читатель, именно на него ориентирован *зачин* (аналог экспозиции в эпосе) любого произведения. По мнению исследователей композиции стихотворений (например, Т. И. Сильман), это и есть *эмпирическая* часть, призванная помочь «договориться» автору с реципиентом текста о чем-то *общеизвестном*, на котором в произведении далее базируются эмоциональный и философский пласты. «Идеальным» читателем в рассматриваемом нами случае, видимо, А. А. Фет представлял человека с жизненным опытом, пережившего немало сложных ситуаций, даже потерь. Эффект «присутствия» читателя в мире рассматриваемого стихотворения обеспечивается и глаголами, большинство из них имеют форму настоящего времени («ловлю», «мне все сдается...»), они как бы приглашают к диалогу, предполагают эмпатию. Автор, как видно, таким образом настаивает на важности незамедлительного отклика, взаимопонимания, погружения в переживание, настроение Другого, что является утверждением высокой ценности человеческого общения, показателем значимости настоящей, искренней дружбы.

Множественные пиррихии, неравное количество слогов в ямбических строках, кажется, таят загадку. И верно! Пара цветов — *роза* и *резеда* — выбраны для сопоставления неслучайно. Роза в символической флористике означает любовную страсть, а резеда (от лат. *resēdāre* — исцелять), извлеченная из холодной борозды, умаляет боль, врачует. К. И. Шарафадина, много лет плодотворно изучающая «алфавит Флоры», семантику букетов в литературе, заметила по поводу данных фетовских строк следующее: «Ведь бледные цветы, вырванные из мертвой земли, более устойчивы, чем пышная роза, метафора ушедшей молодости» [13, 355].

Знарок лирики А. А. Фета, М. С. Макеев, напоминает, что для этого поэта «сопоставление предметов важнее их “воздействия” друг на друга» [7, 106]. Действительно, роза и резеда — это не только два символа, два полюса «флорокода», это ещё и вехи жизни героини стихотворения. Важны и они, и пространство между ними, обозначающее время, протекшее от юности к гораздо более поздним периодам. «По бороздам» промелькнула и тень ушедшего *друга*, и упомянутая скромная *резеда*, спасенная от смерти в холодной земле; второй образ напоминает о том, каким ароматным, медоносным цветок был «прежним летом» (в прежнем бытии) и каким врачующим он может стать теперь.

Скромная, но стойкая резеда отсылает нас к другому неброскому, но такому же выносливому, неустрашимому цветку — колокольчику, воспетому А. К. Толстым в по-русски хрустально-чистом стихотворении «Колокольчики мои...». Эти незамет-

ные темно-голубые цветы в известном лирическом произведении связываются с полем, лихим славянским конем, «гулом колокольным», звонкой музыкой праздничных колоколов. Несмотря на мощные, динамичные, яркие, оптимистичные образы (буран, «светлое посланье», «новая слава», «мед и брага льются») колокольчики, «цветики степные», в концовке стихотворения (созданного в 1840-х годах и напечатанного в 1854 году в «Современнике») все же не веселы, так как слишком сложны размышления поэта о судьбе Родины:

Гой вы, цветики мои,
Цветики степные,
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая? [9, 57].

«Текст колокольчиков», как известно, не ограничивается «флорокодом», он в отечественной поэзии имеет массу версий: это «И колокольчик — дар Валдая / Гудит, качаясь под дугой» (Ф. Н. Глинки), и «Как сильно колокольчик дальний / порой волнует сердце нам» («Граф Нулин» А. С. Пушкина), и «Колокольчик однозвучный / Утомительно гремит» («Зимняя дорога» А. С. Пушкина), и «Мой двор уединенный ... / Твой колокольчик огласил» («И. И. Пущину» А. С. Пушкина)...

Существует и совсем не радостный мотив: «У того же Пушкина можем отыскать указания на особое звучание “почтовых”, “дилижансных”, и “фельдъегерских” колокольчиков <...> — если первые несут новую весть или новые впечатления, то последний является знаком беды» [6, 110-111]. Как видно, друг друга дополняют неброский, нежный цветок, поддужный колокольчик (знак встречи желанного гостя), жизнерадостный «малиновый» звон церковных колоколов. Но рядом и определенные тревожные намеки, предостережение, а именно: визит фельдъегеря (нежеланного гостя), сигнал «авральных» ударов колокола (извещающих о происшествии, например о пожаре, о нашествии неприятеля и пр.).

Со временем, под воздействием трагических событий отечественной истории, оттенок неблагоприятия в «тексте» колокольчиков / колоколов, на наш взгляд, начинает преобладать. У А. К. Толстого есть еще один пример (создан 5 декабря 1855 года, во время Крымской войны), отражающий реальный фрагмент русской жизни:

В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая
бомба
Грянула. С треском кругом от нее разлетелись
осколки,
Он же вздрогнул — и к народу могучие медные
звуки

Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая [9, 130].

Можно вспомнить о «Новгородском предании» (1880) К. К. Случевского («Разбили колокол, разбили...»), о «Колоколе и колокольчике» (1909) И. Северянина («Грузно каялся грешный колокол»). XX век, к сожалению, щедрый на трагедии, пополнил историю литературы произведением (содержащим экфрасис) «Гойя» (1959) А. А. Вознесенского («...тело, как колокол, / било над площадью голой...»), пронзительными «Куполами» (1974) В. С. Высоцкого («В синем небе, колокольнями проколотом, / Медный колокол, медный колокол / То ль возрадовался, то ли осерчал...») и пр.

Особую «пуанту» поставил в рассматриваемом «тексте» колокольчиков-колоколов, указывающем на широкий «сверхтекст» (по учению В. Н. Топорова, он заставляет расширять «свои собственные пределы», создавая связи «внетекстовые»), а также подвел итог своим стихотворением «Время колокольчиков» (1984) А. Н. Башлачев. Выдающийся рок-поэт создал глубочайшие исторические, общественно значимые, при этом окрашенные личным, неповторимым переживанием образы: «Жрали снег с кашею березовой. / И росли вровень с колокольнями»; «Звонари черными мозолями / Рвали нерв медного динамика»; «Звонари по миру слоняются. / Колокола сбиты и расколоты»; «Если нам не отлили колокол, / Значит здесь — время колокольчиков»; «Но если есть колокольчик под дугой, / Так, значит, всё. Давай, заряжай — поехали!»; «Эй, Братва! Чуете печенками / Грозный смех русских колокольчиков?»; «И пусть разбит батюшка Царь-колокол / Мы пришли, мы пришли с гитарами»; «Свистопляс — славное язычество. / Я люблю время колокольчиков» [1, 13-15].

По-постмодернистски собирая все колокольчики и колокола отечественной поэзии, главным «нервом» своего стихотворения, на наш взгляд, А. Н. Башлачев делает все же созданную им скрытую метафору «сердце-колокольчик» («Ты звени, звени, звени, сердце под рубашкою»), видимо, отсылая читателя и слушателя к северянинскому образу («...это медное сердце собора»), а может быть, и к толстовскому финалу «Колокольчики мои...»: «И ковшей славянских звук / Немцам не по сердцу» [9, 57]. В любом случае, безусловно, башлачевский вариант волнует «до сердечной боли» — таково мнение ценителей творчества этого поэта.

Очевидно, что со временем в поэзии соединились природное, интимное и общественное, гражданское: колокольчик-цветок / колокольчик поддужный / колокола — «сердца» храма / колокол — сердце поэта.

В литературоведении справедливо отмечалось, что с момента знакомства российской читательской аудитории со стихотворением А. К. Толстого «Колокольчики мои...» функция колокольчика-цветка существенно расширилась: «Степные цветки никому

не принадлежат, поэтому звонят, что называется, “обо всех” — и, конечно, о русской истории, движением которой определена жизнь и современная судьба этих “всех”» [6, 119]. Как видно, очень «к месту» вспомнился и Э. Хемингуэй с его общеизвестным «For Whom the Bell Tolls».

Итак, А. А. Фет «отпевает» А. К. Толстого не скромными колокольчиками, а безыскусной, но душистой, целебной резедой. Об А. А. Фете, пережившем трагедию любви и смерти Марии Лазич, было сказано, что после потрясения он больше не будет «смешивать действительность и высокую поэзию, искать идеал в отношениях с людьми, в том числе в любви» [7, 138]. Ценно и утверждение о том, что со временем идеалом этого поэта становится семейное спокойное счастье, описанное И. В. Гете в поэме «Герман и Доротея» (1796-1797) — в истории простого немецкого крестьянина и не менее простой «девушки-беженки». Именно «простые» мать Германа, аптекарь и пастырь помогают влюбленным обвенчаться и начать трудовую семейную жизнь. Жизнь поэта-помещика А. А. Фета, как известно, проходила в «приземленных» упорнейших трудах по благоустройству приобретаемых имений, в каждодневных заботах о многочисленных родственниках. Не без иронии исследователем отмечается, что при осмотре и покупке очередного поместья «наличие жимолости, изящных тропинок и холмов или соловьев в соседней роще во внимание не принималось» [7, 247]. Как видно, даже сама нелегкая жизнь труженика, «биографического» автора, А. А. Фета, ассоциируется с растениями — жимолостью и всем тем, что произрастает в отечественных рощах (*простых* и знакомых каждому).

В своих воспоминаниях А. А. Фет, восстанавливая впечатления от знакомства с А. К. Толстым и его супругой, пишет, что Софья Андреевна (Бахметева) была умелой хозяйкой, ее «чайный стол» всегда был интересен, она могла приятно удивить гостей своей отличной игрой на фортепиано, а ее пение заставляло всех «задышать лучшей жизнью» [11, 186]. Знаменательно, что А. А. Фета радовал сам факт общения графа и графини с гостями с «истинно высокой простотой» (безусловно, аристократической). Если литературная репутация А. К. Толстого связана с его хрестоматийно известным «Колокольчики мои...», то характеристика самого поэта определена фетовской фразой о том, что граф был человеком на редкость естественным, «нравственно здоровым» [11, 188]. Таково общее мнение и многих других современников.

Кстати, послание поэта С. А. Толстой также отмечено *простотой*, естественностью, незамысловатой изысканностью, что подтверждают разговорная интонация («побил мороз», «по бороздам», «мне...сдается...»), краткость строк. Создается впечатление, что А. А. Фет не только последовательно разделял,

вслед за А. Шопенгауэром и под гнетом жизненных невзгод, высокое и низкое, сложное и простое, поэзию и хозяйственные заботы, но и пытался в поисках спасительной гармонии найти их точки соприкосновения. Одна из них, на наш взгляд, представлена в стихотворении «Где средь иного поколения...», в котором *роза* и *резеда* уравнились в тропе, подобно так называемому *обратному* сравнению, как известно, «борющемуся» со стандартами. А. А. Фет «переворачивает» привычные представления, сопутствующие слишком известному флористику розы (безграничное счастье, бушующая страсть, блестящее положение), и отдает предпочтение незаметной резеде — полезной, утешающей боль, печаль. Здесь также уместно вспомнить «обратные» сравнения Козьмы Пруткова, наиболее часто приводимые в литературоведческих справочниках: «Небо, усеянное звездами, всегда уподоблю груди заслуженного генерала», «Бердыш в руках воина то же, что меткое слово в руках писателя» [5, 133, 124]. Приведенные «обратные» прутковские сравнения, иронично перевернутые в борьбе с банальностью, и фетовская роза, уступившая место более ценной резеде, подчеркивают некоторое родство художественных законов творчества и мировоззренческих концепций двух выдающихся отечественных писателей: А. К. Толстого и А. А. Фета.

Возвращаясь к фетовскому лирическому посланию С. А. Толстой, отметим, что его композиция *спиралевидна*, так как, размышляя о непреходящей памяти, о врачевании душевных ран, человек стихотворения А. А. Фета поддерживает одну и ту же тему, но пространственно меняет «точку обзора». Возобновление начатого (что «сопровождается резким изменением эмоциональной окраски» [8, 85]) позволяет намеченному мотиву звучать гораздо более оптимистично, чему способствует смена форм глагола на будущее время: «Цветы задышат прежним летом...».

Воронежский государственный педагогический университет

Шпилевая Г. А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: 19alex04@mail.ru

Борисова У. Ю., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

ЛИТЕРАТУРА

1. Башлачев А. Как по лезвию / А. Башлачев. — М.: Время, 2005. — 256 с.
2. Бухштаб Б. Я. Русские поэты: Тютчев, Фет, Козьма Прутков, Добролюбов / Б. Я. Бухштаб. — Ленинград: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1970. — 247 с.
3. Жирмунский В. М. Теория стиха / В. М. Жирмунский. — Ленинград: Советский писатель, 1975. — 664 с.
4. Кожуховская Н. В. Время и вечность в лирике А. К. Толстого / Н. В. Кожуховская // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2012. — № 2 (39). — С. 90-93.
5. Козьма Прутков. Полное собрание сочинений. — Москва-Ленинград: Советский писатель, 1965. — 428 с.
6. Кошелев В. А. «Время колокольчиков»: литературная история символа / В. А. Кошелев // Александр Башлачев: исследования творчества. — М.: Русская школа, 2010. — С. 95-125.
7. Makeev M. S. Afanasy Fyot / M. S. Makeev. — М.: Молодая гвардия, 2020. — 443 с.
8. Никишов Ю. М. Лирическая спиральная композиция / Ю. М. Никишов // Acta Universitatis Lodzianae. Folia Litteraria Rossica. 13: Poetyka literatury rosyjskiej: podejścia i interpretacje = Поэтика русской литературы: подходы и интерпретации. — Łódź, 2020. — S. 81-90.
9. Толстой А. К. Полное собрание стихотворений: в 2 т. — Т. 1. Стихотворения и поэмы / А. К. Толстой. — Ленинград: Советский писатель, 1984. — 640 с.
10. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 334 с.
11. Фет А. А. Мои воспоминания. 1848-1889. Часть II / А. А. Фет. — Москва: Типография А. М. Мамонтова и Ко, 1890. — 406 с.
12. Фет А. А. Стихотворения / А. А. Фет. — Ленинград: ГИХЛ, 1956. — 380 с.
13. Шарафадина К. И. «Селам, откройся!» Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы / К. И. Шарафадина. — СПб.: Нестор-История, 2018. — 544 с.

Voronezh State Pedagogical University
Shpilevaya G. A., Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Theory, History and Methods of
Teaching Russian Language and Literature
E-mail: 19alex04@mail.ru

Borisova U. Y., Candidate of Philological Sciences, Senior
Lecturer of the Department of Theory, History and Methods of
Teaching Russian Language and Literature